

Всё в той же печи для обжига, где стражи только что потушили огонь и вытащили тела слуг, сыщики свалили печь, почувствовав что-то неладное. Раскопав, они обнаружили огромную яму для сжигания тел — десятки обугленных скелетов лежали под открытым небом. Даже привыкший ко всему худой сыщик вздохнул, а несколько новичков уже стояли, держась за животы и рвоту.

Хуа Маньлоу, основываясь на реакции окружающих, понял, что произошло. Он достал книгу, которую Лу Сяофэн вручил ему перед уходом, и передал её худому сыщику:

— Это было найдено в тайнике.

Лу Сяофэн, увидев это, сказал, что мастерская — это ад на земле, и теперь это подтвердилось.

К счастью, они взяли с собой трёх-четырёх судебных медиков. Худой сыщик, отдавая им приказы, пролистал книгу, и Хуа Маньлоу почувствовал, как его настроение изменилось — волна ярости охватила его.

Хотя он и стал чиновником, но всё же был человеком из мира боевых искусств, и, столкнувшись с несправедливостью, выражал гнев самым прямым образом.

— Вот, возьми. — Толстый сыщик, появившийся из ниоткуда, быстро сунул что-то в рот худому, а затем пошёл смотреть, как медики осматривают тела. Худой сыщик, вынужденный жевать, отвлёкся, и его гнев утих.

— Слива?

— Кажется, да. — Худой сыщик смутился, на его тёмном лице мелькнул румянец, но, вспомнив, что Хуа Маньлоу не видит, он смутился ещё больше.

К счастью, один из медиков, качая головой, подошёл, бормоча:

— Грех, настоящий грех.

— Что случилось? — Худой сыщик раздражался от этих старых медиков, но Дао У дорожил ими, не позволяя их обижать. Но он, горячий парень, сталкиваясь с медлительными стариками, не мог не нервничать.

— Это всё молодые девушки, им не было и двадцати, когда их сожгли заживо. — Медик вздыхал, глядя свою белую бороду.

Худой сыщик сжал кулак, его взгляд устремился на тело хозяина мастерской, лежащее во дворе. Через мгновение он махнул рукой, вызвав нескольких сыщиков:

— Сначала заберите останки, стариков тоже заберите, постарайтесь определить, кто есть кто.

— Он сжал список в руке — если есть имена, можно будет отправить их домой, чтобы они обрели покой.

Хуа Маньлоу, обычно мягкий и элегантный, как картина тушью из Цзяннань, теперь выглядел печальным. Он повернулся к худому сыщику:

— Вы часто сталкиваетесь с такими убийствами. Со временем это перестаёт вас трогать?

Худой сыщик посмотрел на свою руку, держащую меч, и не ответил прямо:

— Раньше я держал меч в правой руке, и под ним погиб сто один человек. После вступления в Департамент божественных сыщиков я больше не касался оружия правой рукой. Потому что каждый раз, когда я сталкиваюсь с делом о невинно убитых, она дрожит так, что я не могу держать меч.

Хуа Маньлоу понял — прошлое, как заноза, сидело в его правой руке, и каждый раз, когда он напрягал её, она болела. Как и его глаза, которые, даже спустя столько времени, просыпались от кошмаров о тех событиях.

Время — мощная сила, способная превратить прошлое в дым, но прошлое ещё сильнее, и, даже став дымом, оно иногда напоминает о себе.

Запечатав Мастерскую «Дикий Гусь», группа вернулась в столицу.

Когда Лу Сяофэн вошёл, Хуа Маньлоу уже играл на цине, но мелодия была рассеянной.

— Слышал, ты заглянул в тюрьму Сяньхэ, Бородач и другие не шумели? — Лу Сяофэн сел пить чай — это отняло у него немало сил.

Хуа Маньлоу покачал головой:

— Я сказал им, что через несколько дней их оправдают, они были счастливы и пообещали лично поблагодарить тебя.

Лу Сяофэн улыбнулся:

— Благодарность не нужна, но пусть пригласят меня в свою деревню выпить. В прошлый раз я ушёл слишком быстро, только почувствовал аромат тридцатилетнего рисового вина, но не успел взять кувшин.

Хуа Маньлоу улыбнулся, но ничего не сказал, его длинные, слегка бледные пальцы продолжали перебирать струны.

Лу Сяофэн, попивая чай, украдкой посмотрел на него — что-то его беспокоит!

— Я уже подготовил ловушку, осталось только ждать, пока он сам в неё попадётся. Тебе не интересно, куда я хочу тебя повезти? — Он положил руку на струны, сыграв несколько бессмысленных нот.

Хуа Маньлоу, прерванный им, отодвинул цинь и достал из-под стола книгу, передав её Лу Сяофэну:

— У тебя есть время? Почитай мне несколько глав.

Лу Сяофэн почувствовал лёгкую тяжесть, но автоматически взял книгу:

— Хорошо, что ты хочешь услышать?

— Записи из Сада Мэйи.

Хуа Маньлоу, подперев голову рукой, лениво облокотился на цинь, прядь волос мягко скользнула по его лицу. Лёгкий ветерок шевелил её, его глаза были полузакрыты, и его обычно загадочное настроение теперь полностью скрылось.

Но Лу Сяофэн, читая незнакомые строки, украдкой смотрел на него и чувствовал, что видит что-то большее.

Всегда путешествующий по миру Великий Мастер Лу, где бы он ни был, наслаждался жизнью, и в его жизни, кроме сна, не было таких тихих моментов.

Но теперь, в этот спокойный послеобеденный час, держа книгу и глядя на одного человека, он почувствовал странное удовлетворение.

Это было очень загадочное чувство.

Непостижимое, необъяснимое.

После ужина настроение Хуа Маньлоу, казалось, улучшилось, и, воспользовавшись прекрасной луной, он вышел в сад, чтобы осмотреть недавно пересаженные абрикосовые деревья. Лу Сяофэн, прочитавший вслух целый день, не чувствовал усталости и следовал за ним, хотя совершенно не понимал, чем абрикосовые деревья отличаются от абрикосовых цветов.

— У этих деревьев не сильный аромат, но они морозоустойчивы и долго цветут, идеально подходят для столицы в это время года. — Хуа Маньлоу, говоря о цветах, становился более оживлённым, чем обычно. Он вёл Лу Сяофэна, объясняя ему.

— Мне просто интересно, из них получится вино из абрикосов или из слив? — Лу Сяофэн понюхал ветку и сморщил нос — действительно, аромат слабый, а на бледно-розовых лепестках были белые пятна, некоторые из которых образовывали улыбающиеся лица, что было жутковато.

Хуа Маньлоу рассмеялся:

— Ты, Лу Сяофэн, настоящий ценитель вина.

— Конечно. — Лу Сяофэн обнял Хуа Маньлоу за плечо:

— Давай обсудим кое-что?

— Хорошо, я согласен. — Хуа Маньлоу кивнул.

— Я ещё не сказал, что, а ты уже согласился? — Лу Сяофэн повернулся к нему:

— Ты так мне доверяешь, не боишься, что я тебя продам?

Хуа Маньлоу сделал два шага вперёд, и рука Лу Сяофэна опустела:

— Если продажа меня принесёт тебе два кувшина вина, ты, возможно, попробуешь, но это невозможно, так что оставь меня ухаживать за этими деревьями, чтобы следующим летом я мог приготовить тебе вино.

Лу Сяофэн, наблюдая, как Хуа Маньлоу сыплет ветки белым порошком, улыбнулся — продажа Хуа Цишао, вероятно, могла бы принести половину Цзяннань, не говоря уже о двух кувшинах вина. Но последняя фраза звучала очень приятно — если вино будет готово следующим летом, к следующему году оно будет идеальным.

— Что ты делаешь? — Он взял у Хуа Маньлоу бутылочку и понюхал:

— Хм? Почему пахнет абрикосовым вином?

Оказалось, что Лу Сяофэн ошибся:

— Это порошок от насекомых, — объяснил Хуа Маньлоу. — Они только что пересажены, и я боюсь, что они не привыкнут, а в этом саду много насекомых.

— Зимой тоже есть насекомые? — удивился Лу Сяофэн. — Разве они не должны быть в спячке?

— Это из-за почвы в саду, — улыбнулся Хуа Маньлоу. — Мой старший брат специально привёз её из Шучжуна, она идеальна для цветов, но привлекает насекомых.

Лу Сяофэн удивился — жемчужная почва? Насколько богата семья Хуа, что они так открыто хвастаются своим богатством?

На крыше позади них сидели стражи, все с руками, подпирающими лица — луна так хорошо освещает нас, всё видно, но не слишком ясно, это так романтично! Это послеобеденное развлечение просто идеально!

<http://bllate.org/book/16229/1458152>